
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-9-5-18

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС:
К СОДЕРЖАТЕЛЬНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ

© 2022 г. Е.А. Степанова

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна, доктор политических наук, профессор РАН,
ORCID 0000-0003-4666-4921, stepanova@imemo.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила 15.05.2022. После доработки 25.05.2022. Принята к печати 24.06.2022.

Аннотация. В статье ставится под вопрос доминирующее в литературе и базах данных “техническое” определение мирного процесса как относительно линейной последовательности формальных, положенных на бумагу соглашений. Не менее распространенное понимание мирного процесса как заведомо благой самоцели, ради которой все средства хороши, также критикуется как ведущее к завышенным ожиданиям и идущее вразрез с эмпирическими данными по эффективности и исходам современных мирных процессов. Постулируется и доказывается приоритетность, во-первых, мирных процессов по отношению к конкретным мирным договоренностям, а во-вторых, качественных критериев и характеристик мирного процесса и качественного анализа для его адекватного определения. В статье подчеркивается важность таких двух содержательных критериев определения мирного процесса, как его инклюзивность и то, насколько он сосредоточен на решении ключевых противоречий, оспариваемых вооруженным путем. Предложены пути пересмотра и доработки этих критериев с учетом реалий современных конфликтов и таких тенденций в сфере их мирного регулирования, как сокращение числа всеобъемлющих мирных договоренностей на фоне дальнейшего распространения перемирий, частичных и локальных соглашений.

Ключевые слова: мирные процессы, переговоры, мирные соглашения, перемирия, вооруженные конфликты, исходы конфликтов.

PEACE PROCESS: ON SUBSTANTIVE DEFINITION

Ekaterina A. STEPANOVA,
ORCID 0000-0003-4666-4921, stepanova@imemo.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO),
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 15.05.2022. Revised 25.05.2022. Accepted 24.06.2022.

Abstract. Prevailing formal, technical definition of the “peace process” reduces it to a more or less linear sequence of peace agreements. Such definitions lack substance and do not fully account for realities of contemporary conflicts and conflict management. Nor does empirical evidence support inherently positive interpretations of the notion of the “peace process” that are still widespread and create heightened expectations about such processes’ outcomes. During past four decades, two thirds of armed conflicts lacked any peace process. In the first two decades of the 21st century, negotiated outcomes accounted for just a quarter of all conflict outcomes. Nor do peace processes, launched due to war and mostly during war, require or quickly lead to sustained cessation of fire that is more likely to take place at the later stages of the process. Realities of contemporary peace processes hardly match any “ideal model” of a linear process that leads to a comprehensive peace agreement. Full and final peace agreements are becoming less frequent, while on-and-off, nonlinear, parallel, fragmented negotiations, ceasefires, partial and local agreements proliferate. The very notion of a peace process as a mere sequence of formal written agreements is inadequate, even as individual agreements are easier to identify, code and count in respective datasets. The article argues that the way to define a peace process, identify and distinguish it from other conflict-related negotiations and contacts requires qualitative analysis of its substance. It inspects and revises two basic substantive criteria of the “peace process” definition that deal with what the parties are talking about and who the negotiating parties are. Unlike technical contacts or ceasefires, peace processes are not mainly about discussing forms and methods of warfare or its humanitarian symptoms, but are primarily centered on dialogue between conflict parties on key underlying incompatibilities over which the conflict has been fought. Such incompatibilities always have a political dimension (socio-political, ideological, related to ethnic/religious/socio-cultural identity, political economy, and international (geo)politics). The article suggests to place the main focus on the peace process rather than on individual agreements as its (interim) products. It also argues for making the need to address key incompatibilities at dispute a *sine qua non* criterion for any negotiations to qualify for a peace process. This allows to distinguish peace processes from more technical talks and most ceasefires, to account for a broader range of substantive negotiation formats (including initiatives that did not lead to an agreement), and to identify when a peace process starts (whenever talks on key contested incompatibilities begin). Decline in sustained, comprehensive, final peace agreements coupled with the rise in ceasefires, temporary partial agreements and locally negotiated deals do not necessarily imply decline in, or marginalization of, peace processes. On the contrary, this only underscores the imperative of handling a focused, substantive negotiation process over feverish “race for agreements” that are often premature or externally imposed upon the conflict parties. The second mandatory definitional criterion pertains to which armed actors’ involvement is principal or decisive for settling key

incompatibilities and which ones could be sidelined and further marginalized with no major detriment to the peace process. The former include main military actors, with major presence on the ground and a degree of social support. These actors cannot be substituted for by international stakeholders/mediators or civil society groups. A negotiation format that ignores the principle “one does not choose one’s enemy/negotiation protagonist” and fails to directly involve representatives of the main protagonists on the ground hardly qualifies for a peace process. Fragmentation of violence and proliferation of non-state actors in modern conflicts further actualize the need to set certain limits for the peace process’s inclusiveness and distinguish key parties from smaller, more local or ultra-radical, irreconcilable actors. While a degree of armed actor’s social support is important, a decisive parameter is often an armed actor’s overall, especially military, potential sufficient to destabilize any peace process that it is not part of. At the same time, the range of potential participants in peace processes could also be reasonably broadened, especially with regard to non-state actors, to better reflect evolving conflict patterns. This could be done by extending the notion of peace processes to include substantive talks not only with, but also between major non-state actors. Local agreements and ceasefires could also sometimes be seen as part of a peace process, but only provided they are to some degree related to the conflict’s key political incompatibilities. Overall, a peace process should neither be seen as an end in itself to be achieved at any price, nor downgraded to a category secondary to a peace agreement. Of key relevance for defining and identifying a peace process is its substance, inclusiveness, and pertinence to central issues contested by military means. The article postulates and attests the primacy of (a) qualitative criteria and analysis for adequate definition of a peace process and (b) a category of “peace process” over peace/ceasefire agreements.

Keywords: peace processes, negotiations, peace agreements, ceasefires, armed conflicts, conflict outcomes.

About author:

Ekaterina A. STEPANOVA, Professor, Russian Academy of Sciences; Doctor of Political Science, Leading Researcher, Head of Peace and Conflicts Studies Group.

ВВЕДЕНИЕ

Хотя термин “мирный процесс” широко используется и распространен, его отличает расплывчатость и определенная внутренняя противоречивость. С одной стороны, понятие “мир”, противопоставленное понятию “война”, априори несет в себе позитивный смысл. Позитивное смысловое наполнение понятия “мир”, свойственный ему положительный заряд подразумеваются как бы сами собой, по умолчанию. Осознание того, что “мир всегда лучше войны” или “плохой мир лучше хорошей войны”, не просто бытует в виде научного тезиса или политического императива, но и глубоко укоренено на уровне подсознательного ощущения в обществе любого типа. Для тех, кто пережил войну, испытал на себе воздействие вооруженного конфликта, проживает в (пост)конфликтных зонах и странах, которые были или остаются ареной конфликтов, особенно очевидно: какой бы высокой ни была цена мира, она всегда ниже цены войны.

С другой стороны, на этом фоне наблюдается отчасти неизбежная тенденция смешивать понятия “мир” и “мирный процесс” и путать одно с другим. При этом позитивное восприятие понятия “мир” и связанные с ним положительные ассоциации автоматически переносятся и на категорию “мирный процесс”. В результате мирный процесс, как правило, изначально воспринимается и мыслится как нечто по определению благое и позитивное. При этом он зачастую начинает рассматриваться не столько как сложный процесс, сколько в качестве самоцели, которую надо поддерживать и продвигать любой ценой. По аналогии с осознанием того, что “мир всегда лучше войны”, создается иллюзия, что и мирный процесс всегда лучше, чем его отсутствие, вне зависимости от качества, устойчивости и эффективности конкретных мирных процессов. Это представление не подтверждено эмпирически

и не доказано научно. Несмотря на это, любой, кто не согласен с ним или выступает против конкретного мирного процесса, чуть ли не автоматически объявляется “врагом мира”.

Конечно, такой подход может быть продиктован политическими приоритетами участников и спонсоров того или иного мирного процесса, в том числе не связанными с задачей достижения мира. Однако многие вполне искренне трактуют и ощущают мирный процесс как нечто однозначно позитивное и положительно заряженное. Такое понимание широко распространено, если не преобладает, в международных медийных, политических, гуманитарных и других кругах, а также в тех или иных национальных контекстах в разных регионах мира.

Обратной стороной позитивно-идеалистической интерпретации мирного процесса становятся завышенные ожидания относительно его исхода. Дело не только в том, что как бы само собой подразумевается, что мирный процесс непременно должен привести к устойчивому миру *в конечном итоге* (что действительно случается, но далеко не всегда). Еще большая проблема состоит в распространенном представлении о том, что любой мирный процесс уже сам по себе должен нести и гарантировать существенное сокращение или прекращение вооруженного насилия либо сразу с началом переговоров о мире, либо в ходе них (чего в реальности во многих случаях не происходит) и что насилие уже точно должно полностью сойти на нет после заключения мирного соглашения (что встречается нечасто).

В этом смысле показателен самый длительный мирный процесс современности — палестинско-израильские переговоры (“процесс Осло”)¹,

¹ Мирный процесс Осло получил свое название по месту ведения переговоров между Израилем и Организацией освобождения Палестины, которые велись с 1993 г. и привели

ведущие с 1993 г. в развитие еще арабо-израильских соглашений 1970-х годов, в ходе которых, собственно, и возник термин “мирный процесс”. Символично, что спустя 30 лет после начала этого мирного процесса его гораздо проще и адекватнее объяснить в категориях продолжающейся конфронтации, череды провалов и политического тупика, чем “мира” [1, 2, 3]. Неудивительно, что неоднозначные или провальные исходы многих мирных процессов порой ставили под сомнение или дискредитировали само это понятие прежде всего в тех регионах и (пост)конфликтных зонах, которые пережили мирные процессы, окончившиеся провалом в отсутствие каких-либо позитивных результатов или даже возобновлением вооруженного противостояния. На этом фоне возникали попытки деконструировать сам термин – развести понятия “мир” и “процесс” или даже противопоставить одно другому, как, например, в типичной критике палестино/арабо-израильских переговоров: «мирный процесс может тянуться бесконечно долго... по определению, пока идет “мирный процесс”, мира не будет» [4].

Несмотря на это, завышенные ожидания в связи с понятием “мирный процесс” продолжают преобладать как минимум в общественно-политическом восприятии. Комплиментарное восприятие этой категории наблюдается и в рамках значительной части научно-экспертного дискурса, включая его лучших представителей [5, 6].

Определенное исключение составляют, например, те немногие специалисты, кто работает с большими данными по конфликтам и мирным соглашениям/процессам и с соответствующими базами данных. Среди них, например, база данных по мирным соглашениям Программы данных о конфликтах Уппсальского университета (*Uppsala Conflict Data Programme Peace Agreements Dataset, PA/UCDP*), коллекция баз данных о мирных соглашениях при Эдинбургском университете (*Peace Agreements Database, PA-X*), “Матрица мирных соглашений” Института международных исследований мира им. Дж. Крок Нотрдамского университета (*Peace Accords Matrix, PAM*), базы данных “Политические соглашения во внутригосударственных конфликтах” Бирмингемского университета и “Миротворец ООН” (*UN Peacemaker*) и т. д. Хотя соответствующие группы исследователей, сплошь неопозитивистского склада, как правило, свободны от излишнего идеализма и оценочного подхода, они также далеки от решения проблемы определения “мирного процесса”. Понятие “мирный процесс” у них сводится к соответствию некоторым формальным, инструментально-техническим

к заключению соглашений Осло-I (в Вашингтоне в 1993 г.) и Осло-II (в Табе в 1995 г.).

признакам и носит сугубо вторичный характер, производный от понятия “мирное соглашение”. Хотя разброс интерпретаций “мирных соглашений” также весьма широк, “количественникам” банально проще принять именно их за основную единицу анализа и посчитать. Если мирный процесс и учитывается в рамках этого подхода, то лишь как определенная линейная последовательность соглашений о мире (и перемирии), вне зависимости от качества, состава и иных содержательных характеристик переговорного процесса. При этом, например, игнорируется то, что переговоры, в том числе по ключевым противоречиям между основными сторонами конфликта и с их прямым участием, могут начаться и развиваться задолго до заключения мирного соглашения, длительное время вестись в формальном, неформальном или полупоформальном виде в отсутствие каких-либо существенных договоренностей или вообще в итоге к ним не привести. Неудивительно, что специальных баз данных по мирным процессам как таковым до сих пор нет, как и адекватного определения самого “мирного процесса”. И то и другое еще раз подчеркивает, что, ограничиваясь лишь сбором и анализом больших данных и в целом в рамках количественного подхода, в принципе трудно выявить те качественные, содержательные характеристики, которые должны лежать в основе определения мирного процесса и обозначить его временные и смысловые границы.

Итак, если расхожая благостно-идеалистическая интерпретация категории “мирный процесс” слабо соответствует реальной эффективности и распространенности таких процессов, то его инструментально-техническое определение пока лишено качественного и концептуально-теоретического содержания, хотя и сохраняет определенное прикладное значение для практикующих дипломатов-переговорщиков, специалистов по базам данных и т. п. В этих условиях самое время вернуться к проблеме определения понятия “мирный процесс”. В данной статье предпринята попытка подойти к решению этой проблемы:

а) в более объективном и реалистическом ключе, как минимум не противоречащем доступным эмпирическим данным об эффективности и устойчивости мирных процессов и в большей степени соответствующем реалиям современного урегулирования конфликтов;

б) на концептуально-теоретическом, а не только прикладном уровне;

в) с упором не столько на формально-технические параметры, сколько на качественные, содержательные, существенные характеристики мирного процесса.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Понятие “мирный процесс” до сих пор носит довольно расплывчатый характер. Технически под ним обычно понимают переговорный процесс, нацеленный на достижение мирного соглашения (а часто и последующий процесс его реализации), а также последовательность (серию) мирных соглашений по урегулированию одного и того же конфликта [7]. Это отличает мирный процесс, как бы широко он ни трактовался, от более общих понятий “регулирование конфликта” (*conflict management*) и “урегулирование конфликта” (*conflict resolution*).

Для начала следует уточнить само понятие переговоров, или переговорного процесса, которое имеет свою специфику применительно к сфере регулирования вооруженных конфликтов. Любые ли контакты между, например, конфликтующими сторонами и иными участниками конфликта или процесса его регулирования могут считаться переговорами как таковыми? Нет, не любые, а лишь те, которые предполагают двусторонний обмен уступками и предложениями компромисса с противостоящей стороной и готовность сторон на такой обмен. Это немаловажное уточнение. Во-первых, переговоры предполагают диалог, будь то прямой или опосредованный, с противостоящей стороной и ее представителями (а не просто сверку часов с партнерами и союзниками или координацию лояльных той или иной стороне группировок или фракций). Во-вторых, какими бы ни были переговорные стратегии и первоначальные запросные позиции сторон, если протагонисты в принципе не готовы на взаимные уступки и компромиссы в ходе взаимных контактов, то это не переговорный процесс, а его имитация в тех или иных целях – по сути же такой процесс не выходит за рамки контактов между сторонами. В-третьих, собственно переговоры могут интерпретироваться как более узко (непосредственный диалог/торг между представителями сторон за столом переговоров), так и более широко (включая всю совокупность связанных с переговорным процессом контактов и действий сторон в кулуарах и за рамками стола переговоров).

Используя стандартный лексикон ООН, организация и ведение переговоров о мире, а также содействие им (*peacemaking*) отличаются от операций по поддержанию мира (*peacekeeping*), операций по силовому установлению мира, или силовому умиротворению (*peace enforcement*), и от деятельности по постконфликтному восстановлению мира (*peacebuilding*) [ист. 1, 2].

Итак, в техническом, прикладном смысле мирный процесс – это процесс, сосредоточенный на мирном соглашении или серии соглашений на этапах их достижения/подготовки, заключения и имплементации. Например, Дейтонский мирный

процесс по Боснии подразумевает переговорный процесс, приведший к заключению Дейтонских соглашений 1996 г., и растянувшийся на годы процесс реализации их основных положений.

ВЕДУТ ЛИ МИРНЫЕ ПРОЦЕССЫ К МИРУ?

Завышенные ожидания относительно успеха мирных процессов, к которым ведет излишне позитивное восприятие этого понятия, вступают в противоречие с реалиями в сфере урегулирования и исходов современных конфликтов, распространенности и эффективности их решений путем мирных переговоров. А реалии эти весьма не однозначны.

В первые годы после окончания холодной войны в мире наблюдался кратковременный всплеск оптимизма относительно перспектив мирного урегулирования конфликтов [ист. 3]. Однако долгосрочные тенденции в этой сфере дают гораздо менее оптимистичную картину. На протяжении более трех десятилетий, вплоть до начала 2020-х годов включительно, мирные процессы шли, мягко говоря, с переменным успехом. Этот вывод можно сделать на базе существующей статистики, ответив на три вопроса:

– какова доля вооруженных конфликтов, в которых за последние десятилетия вообще имели место мирные процессы и мирные соглашения?

– как часто вооруженные конфликты завершаются мирным путем по сравнению с другими типами исходов конфликтов?

– в случае когда мирные процессы не просто имеют место, а приводят к заключению соглашения о мире или перемирии, насколько устойчив такой исход конфликта, то есть возобновляются ли те же самые конфликты хотя бы в ближайшие последующие годы?

По первому вопросу: согласно информации Упсальской базы данных о мирных соглашениях, в 1975–2021 гг. в мире насчитывалось 375 мирных соглашений, заключенных в ходе 152 мирных процессов. Однако они затронули лишь 34% всех конфликтов за этот период (подсчитано автором по [ист. 4]). Иными словами, почти в двух третях вооруженных конфликтов последней четверти XX и первых десятилетий XXI в. мирных процессов и соглашений не наблюдалось.

Второй вопрос касается не просто факта наличия мирного процесса (соглашения), а именно исхода, или прекращения, вооруженного конфликта путем мирных переговоров.

В 1950–1970-е годы в качестве исхода конфликтов в мире еще преобладали военные решения,

которые составляли более половины всех исходов [ист. 5, р. 174]. Однако с ростом числа гражданских войн военных побед в них становилось все меньше. По мере дальнейшей фрагментации, деструктуризации и транснационализации конфликтов, а также роста числа их участников, особенно негосударственных игроков, эта тенденция только усилилась: из 160 исходов конфликтов, зафиксированных за первые два десятилетия XXI в., военные решения составили лишь 12% (подсчитано автором по [ист. 6]).

Если в годы холодной войны доля мирных решений для внутригосударственных конфликтов еще не превышала 20% их исходов, то на ее излете число как мирных процессов, так и исходов вооруженного противостояния, достигнутых путем переговоров и соглашений о мире или перемирии, стало расти. В начале 1990-х годов доля таких исходов в гражданских войнах даже временно возросла до 40% [ист. 5, р. 174]. Однако уже в новом веке, в 2001–2020 гг., переговорные решения, включая мирные соглашения и перемирия, составили лишь четверть (25%) всех исходов конфликтов (подсчитано автором по [ист. 6]).

При этом новый пик конфликтности в мире с середины 2010-х годов (самый высокий с 1946 г.) уже не сопровождался пропорциональным ростом числа мирных договоренностей, в отличие от предыдущего пика конфликтов начала 1990-х годов. Тогда временный резкий рост числа конфликтов после окончания холодной войны сопровождался, однако, и значительной разрядкой международной напряженности: именно на 1991–1994 гг. пришлось наивысшее число мирных соглашений (82, или в среднем около 20 в год) за почти полувековой период с 1975 г. [8, р. 594; ист. 4, 7]. Если же учитывать не все мирные соглашения, а лишь те из них, которые реально привели к урегулированию конфликта, то есть только успешные, устойчивые мирные исходы, то на новом пике конфликтности во второй половине 2010-х годов такой исход был только один, что в семь (!) раз ниже, чем в начале 1990-х годов [9, р. 20].

По третьему вопросу: вопреки распространенному среди пацифистов и иных неоидеалистов заблуждению, по статистике самыми устойчивыми исходами конфликтов оставались военные решения, которые в силу разгрома и/или подрыва военного потенциала противника реже всего вели к возобновлению вооруженного насилия в течение последующих лет. Так, за период с 1946 по 2004 г. лишь 18.3% гражданских войн, завершенных военным путем, возобновились в течение последующих пяти лет [ист. 5, pp. 173–175]. Мирные решения были почти в 2 раза менее устойчивы, чем военные: за тот же период около 35% всех ис-

ходов гражданских войн, достигнутых путем переговоров, вели к возобновлению конфликта в течение пяти лет [ист. 5, р. 175]. Тем не менее в среднем в двух третях случаев соглашения о мире и перемирии все же срабатывали. Это указывает на то, что при наличии условий и “окна возможностей” для мирного урегулирования ими следует максимально воспользоваться.

Подчеркнем, что относительно устойчивое решение конфликта — как мирным, так и военным путем — наиболее вероятно в относительно структурированных конфликтах с ограниченным числом участников, то есть в конфликтах такого типа, который на современном этапе встречается все реже [10]. Неудивительно, что в начале XXI в. преобладал иной тип исхода конфликтов — их затухание по типу “ни мира, ни войны” до низкого уровня насилия, в отсутствие какого-либо явного, определенного решения. В 2001–2020 гг. они составили 57% всех исходов конфликтов (подсчитано автором по [ист. 6]). Спад насилия до уровня ниже вооруженного конфликта в отсутствие как его мирного урегулирования, так и военного решения свидетельствует о недоурегулированном или саморегулирующемся характере конфликта и, как правило, о том, что мы имеем дело не столько с его окончательным исходом, сколько с временным снижением интенсивности насилия, которое может затянуться, но в любой момент грозит возобновлением вооруженной конфронтации.

Итак, хотя решения конфликтов, достигнутые в результате мирных процессов, в двух третях случаев относительно устойчивы, они не являются доминирующей формой завершения современных конфликтов, составив лишь четверть их исходов за первые два десятилетия XXI в. При этом почти в двух третях всех конфликтов за последние 40 лет мирных процессов вообще не наблюдалось. Более того, начало мирного процесса — из-за войны и, как правило, во время войны — еще не означает и не требует немедленного и устойчивого прекращения огня, а большинство устойчивых перемирий заключается уже на более поздних стадиях мирного процесса [11].

Таким образом, мирный процесс не является ни наиболее распространенным способом завершения вооруженного противостояния, ни, тем более, панацеей в деле урегулирования конфликта. Следует в принципе избегать идеалистических интерпретаций и оценочной окраски этого понятия как в научной сфере, так и в прикладной аналитике и практической дипломатии. Этот термин полезен лишь тогда, когда он носит нейтральный характер и обозначает не более, но и не менее чем дорогу к миру. Тот факт, что конечный пункт назначения — это состояние мира вместо вооружен-

ного конфликта, еще сам по себе не гарантирует, что выбрана правильная дорога к миру, что она не петляет или не идет по кругу или что участники движения по этой дороге следят за дорожными знаками, соблюдают элементарные правила движения и способны быстро приспособиться к меняющейся дорожной ситуации.

МИРНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ И МИРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

С точки зрения дефиниций вопрос о том, что первично и что важнее – “мирный процесс” или “мирное соглашение”, – далеко не такой праздный, каким может показаться на первый взгляд. Подавляющее большинство существующих определений касается именно “мирных соглашений” (*peace agreements*), а не “мирных процессов”. Основная единица анализа во всех базах данных в этой сфере – соглашение о мире (перемирии), а не мирный процесс. Если “мирный процесс” и определяется в научной литературе и в методологии баз данных, то обычно в качестве вторичной, технической производной или прогрессии от понятия “мирное соглашение”. В том случае, когда даже содержательный мирный процесс по тем или иным причинам не приводит к заключению мирного соглашения, он редко становится предметом изучения, а порой и вообще не учитывается, в том числе в базах данных.

Почему это проблема? Почему должно быть, скорее, наоборот? Почему начинать надо с содержательного, качественного определения именно “мирного процесса”, одним из продуктов и “узлов” которого (часто промежуточным) может быть, а может и не быть мирное соглашение?

С одной стороны, посмотрим на самое широкое из существующих определений “мирного соглашения”, сформулированное специалистами Эдинбургской базы данных *РА-Х*. Речь идет о любых “формальных, подписанных, письменных договоренностях в вооруженных конфликтах” [12, р. 25] – неудивительно, что таковых за более чем 30 лет, с 1990 г. по апрель 2022 г., они насчитали немало – 1959 [ист. 8]. Под это определение подпадают даже чисто технические договоренности – например, об обмене пленными или трупами убитых солдат – лишь бы они были на бумаге. Можно ли к такому бессодержательному определению привязывать понятие “мирного процесса”? Конечно, нет.

С другой стороны, существуют и более узкие и предметные определения “мирного соглашения” – например, в рамках Упсальской программы данных о конфликтах (*РА/UCDP*) [ист. 4], которая учитывает лишь полноценные соглашения по основным политическим вопросам противостоя-

ния, или в рамках “Матрицы мирных соглашений” Нотрдамского университета [ист. 9]. Однако такие определения зачастую слишком узки для того, чтобы служить основой для определения мирных процессов, хотя бы потому, что все меньше соответствуют реалиям в сфере регулирования конфликтов XXI в. В ходе современных конфликтов заключается все меньше полноценных, комплексных мирных договоренностей, в том числе в результате международных переговоров. Все большее распространение получают иные переговорные форматы, перемирия и локальные соглашения, в том числе достигнутые при посредничестве третьей стороны. И это уже не говоря о том, что переговорные процессы, даже содержательные, то есть ведущиеся с участием представителей конфликтующих сторон и по поводу ключевых оспариваемых ими противоречий, далеко не всегда ведут к заключению мирных соглашений.

Вообще определить, как мирное соглашение (серия или череда соглашений) соотносится и взаимосвязано с мирным процессом, далеко не просто, так как речь идет именно о *процессе*, причем зачастую *нелинейном*.

Согласно доминирующей интерпретации мирного процесса как вторичной, технической категории, он в лучшем случае понимается как серия мирных соглашений. При этом, например, само мирное соглашение в базах данных рассматривается в качестве некоей монолитной единицы подсчета и анализа, а принципы привязки данных по конкретным соглашениям к тому или иному мирному процессу неясны и четко не определены. Поскольку в рамках такого подхода мирный процесс схематично рассматривается исключительно в рамках “от соглашения к соглашению”, выяснить, когда он реально начинается и заканчивается, невозможно: отсутствуют критерии определения того, какое соглашение считать началом мирного процесса, а какое – его завершением. Также трудно выявить последовательность соглашений и то, насколько последующие договоренности вытекают из предыдущих, являются их продолжением и принадлежат к тому же самому мирному процессу или, например, когда то или иное соглашение уже не служит продолжением ранее достигнутых договоренностей, а становится началом качественно нового мирного процесса.

Такой подход основан на традиционном понимании мирного процесса как некоей “идеальной абстракции” – линейного, последовательного, отнесенного к четкой структурированному процессу, функциональными компонентами которого служат отдельные соглашения, направленные на решение проблем разного типа и уровня на разных стадиях этого процесса. Идеальную модель составляет

последовательность соглашений разных типов, из которых складывается мирный процесс и которые позволяют ему продвигаться от одной стадии к другой *по нарастающей* [12, р. 29; 13]. В наиболее длинном и детальном виде эта идеальная последовательность, или схема, может включать:

- предварительные соглашения по формату будущих переговоров и по списку вопросов, которые планируется на них обсудить;
- соглашения о перемирии;
- промежуточные или частичные соглашения (иногда в форме рамочных договоренностей или соглашений о намерениях), которые должны подготовить почву для решения ключевых вопросов;
- финальные – полноценные, комплексные или “статусные” – соглашения (субстантивные договоренности), которые в идеале должны разрешить основные противоречия между сторонами;
- за ними могут следовать дополнительные соглашения о выполнении (имплементации) условий субстантивных договоренностей, а также соглашения, подтверждающие или обновляющие такие договоренности, или соглашения о выполнении их условий и/или продляющие срок их действия или срок действия их отдельных положений.

Эта стройная последовательность слабо соответствует тенденциям в современных конфликтах и мирных соглашениях, которые указывают на более сложный и запутанный “путь к миру” в виде переговорного процесса. В лучшем случае (и по статистике все реже) этот путь завершается комплексным, субстантивным урегулированием в результате всеобъемлющих мирных договоренностей, а в реальности – нередко переговорами о минимизации ущерба после провала попыток урегулирования. Реалии современных мирных процессов категорически не укладываются в “идеальную модель”: эти процессы все дальше от предполагаемой линейной прогрессии и все чаще носят прерывистый, нескоординированный, остро конкурентный и даже беспорядочный или полухаотичный характер. Участники переговоров часто не соблюдают уже заключенные договоренности, полностью или частично отказываются от них, время от времени начинают новые переговоры, в том числе в измененных форматах, иногда возвращаются к более ранним договоренностям и нередко к полномасштабному или ограниченному вооруженному противостоянию.

Определить временные границы мирных процессов в таких условиях сложно. Это трудно и на их начальном этапе, когда диалог и многосторонние консультации часто проводятся на неформальном уровне, а различные черновые планы урегулирования (которые еще не являются договоренностями

ми) генерируются задолго до начала официальных переговоров, а тем более первых формальных соглашений. Эта задача не легче и на завершающей стадии процесса – например, когда выполнение ряда условий мирных соглашений требует их законодательного закрепления, в том числе на конституционном уровне.

На этом фоне само понимание мирного процесса исключительно как серии формальных, положенных на бумагу соглашений некорректно. Понятно, что отдельные мирные соглашения проще идентифицировать и посчитать, в частности, специалистам – методологам соответствующих баз данных. Однако специфика и пределы применения их методов и количественного анализа в целом не должны искажать сути и природы мирных процессов. С методологической точки зрения не вызывает сомнений, что мирный процесс невозможно адекватно определить и квалифицировать как таковой без *качественного анализа его содержания*. Именно примат качественных характеристик мирного процесса, в том числе для его определения, категоризации, кодификации и анализа, объясняет, почему до сих пор не создана хотя бы одна база данных, где единицей анализа служил бы именно мирный процесс, а не мирное соглашение [13, р. 6].

Итак, не всякие контакты между конфликтующими сторонами можно назвать “переговорами”, и не любые переговоры дотягивают до уровня мирного процесса. Формально-техническое определение “мирного процесса” и его линейная модель, сведенная к определенной последовательности тех или иных соглашений, мало содержательны и слабо учитывают реалии современных конфликтов и их урегулирования. Необходимо субстантивное определение “мирного процесса”, упор в котором был бы сделан не только и не столько на *факте* переговоров и соглашений, сколько на их *содержании и качестве*. Какие качественные критерии позволяют квалифицировать те или иные переговоры, ведущиеся в ходе конфликта и его урегулирования, как мирный процесс?

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИРНОГО ПРОЦЕССА

Критерий 1: переговоры о чем? Первый и самый важный критерий содержательного определения “мирного процесса” – это его фокус на ключевых противоречиях между сторонами конфликта.

Удивительно, но факт: в определенных, в том числе научно-экспертных, кругах этот фундаментальный критерий и *raison d’être* мирного процесса на современном этапе уже не просто более не обязателен, а иногда вообще уходит в тень. В качестве примера приведем одно из новейших опре-

делений “мирного процесса”, сформулированное методологами Эдинбургской базы данных *РА-Х*. Согласно ему, мирный – или переходный – процесс представляет собой “формальную попытку привести политических и/или военных протагонистов в конфликте к той или иной форме взаимного согласия по поводу того, как завершить конфликт” [14, р. 2]. Показательно, что в определении “мирного процесса” в рамках этой самой широкой коллекции баз данных по мирным соглашениям вообще не фигурирует (!) необходимость для участников процесса поставить в центр внимания ключевые вопросы, оспариваемые сторонами вооруженным путем, то есть те противоречия, из-за которых, собственно, и ведется война.

Это отчасти идет вразрез с традицией. Ряд более классических определений, сформулированных в конце XX – начале XXI века, в основном на базе опыта двух наиболее изученных в западной литературе мирных процессов – ближневосточного (арабо-израильского/палестино-израильского) и североирландского, хотя бы не ставили под сомнение нацеленность мирного процесса на решение центральных противоречий между сторонами в качестве одного из критериев определения такого процесса и его успеха. Тем не менее даже у таких продвинутых специалистов в этой области, как Дж. Дарби и Р. Мак-Гинти, это лишь один из пяти (хотя и один из двух основных) критериев успеха и лишь применительно к конкретным соглашениям. Применительно же к мирным процессам этот критерий ими как бы подразумевается, но не артикулирован: мирные процессы определяются как “мирные инициативы, в которые вовлечены основные антагонисты в затяжном конфликте” [15, pp. 2-3]. Ученые Уппсальской базы данных о конфликтах больше других уделяют внимание критерию нацеленности конфликтующих сторон на прямое регулирование или разрешение тех ключевых противоречий между ними, по поводу которых ведется вооруженное противостояние. Однако они также используют этот критерий прежде всего для определения, идентификации и включения в соответствующую базу данных отдельных мирных соглашений. Хотя П. Валлерстейн и его uppsalsкие коллеги и ассоциируют соглашения с соответствующими мирными процессами, для них, как и для любых методологов-количественников, первично именно соглашение. По их мнению, “мирные соглашения напрямую сфокусированы на решении ключевого противоречия или вопроса конфликта, заявленного противоборствующими сторонами, либо путем его полного или частичного урегулирования, либо предлагая четкий процесс по его регулированию” [ист. 10]. При этом понятие “мирный процесс” для них не входит в число приоритетных, определяется чрезмерно узко, охватывает лишь официальные

переговоры и только в конфликтах с участием государства, представляет собой не более чем определенную последовательность мирных соглашений и отсчитывается лишь начиная с первого соглашения “на бумаге”. Это “формальный процесс, в ходе которого конфликтующие стороны либо решают урегулировать конфликт путем последовательности соглашений, каждое из которых посвящено лишь одному из ключевых вопросов противостояния, либо заключают соглашение в продолжение и развитие ранее подписанных мирных договоренностей” [16, р. 623].

На этом фоне возникает потребность не просто распространить критерий нацеленности на решение ключевых противоречий на мирный процесс и подчеркнуть его значимость для определения такого процесса, а пойти дальше.

Во-первых, необходимо сделать этот критерий самым важным и абсолютно обязательным (*sine qua non*) условием квалификации какого-либо переговорного процесса в качестве “мирного”. Мирный процесс предполагает *усилия по прекращению вооруженного конфликта путем диалога (переговоров) по ключевым вопросам, по поводу которых ведется вооруженное противостояние*. Эти вопросы выходят за рамки чисто военных и/или гуманитарных. В отличие от разного рода технических переговоров и соглашений о перемирии, основная суть мирного процесса состоит не столько и не только в обсуждении форм и методов ведения войны и ее симптомов (включая ее гуманитарные последствия), сколько в диалоге между сторонами конфликта о том, как разрешить базовые противоречия между ними, которые, собственно, и породили вооруженный конфликт. Эти ключевые противоречия всегда имеют отчетливое политическое содержание, которое может быть социально-политическим, международно-политическим (геополитическим), политэкономическим, политическим выражением этнической, религиозной, региональной и любой иной идентичности или их сочетанием в любых конфигурациях.

Во-вторых, как отмечалось выше, необходимо идти, или отталкиваться, именно от мирного процесса, а не от отдельного мирного соглашения, которое уже является продуктом и как минимум промежуточным результатом этого процесса. Соблюдение этого условия при примате **критерия 1** имеет конкретный методологический и практический смысл, позволяя:

а) отделить мирные процессы от технических переговоров между сторонами, в том числе о перемирии;

б) учесть более широкий спектр содержательных переговорных инициатив и форматов (спектр мирных переговоров и инициатив, в ходе которых

всерьез ставились ключевые противоречия между сторонами, в том числе ими самими или при их участии, шире, чем ряд переговорных процессов, которые в итоге привели к полноценным мирным договоренностям);

в) решить проблему определения как минимум начала мирного процесса. Начало переговоров по содержательным вопросам — ключевым вопросам, по которым ведется вооруженное противостояние, это и есть начало мирного процесса.

В-третьих, само понимание **критерия 1** следует привести в большее соответствие с реалиями современного регулирования конфликтов. Речь идет прежде всего о сокращении числа комплексных, полноценных мирных договоренностей, направленных на разрешение конфликта в целом (особенно таких соглашений во внутрисударственных конфликтах, в том числе договоренностей, заключенных в рамках международных переговорных форматов высокого уровня). Эта тенденция наблюдается на фоне роста числа локальных соглашений, перемирий разной степени устойчивости и т. п. [ист. 4, 8; 12]. Важно выйти за рамки чрезмерно узких интерпретаций **критерия 1**: то, что на современном этапе устойчивые, всеобъемлющие, “финальные” мирные соглашения заключаются все реже, еще не означает сокращения числа, сужения спектра или маргинализации мирных процессов. Как раз напротив, это лишь подчеркивает приоритет целенаправленного, содержательного процесса над лихорадочной “гонкой за договоренностями”, которые часто носят преждевременный характер, не отражают баланса сил и реалий на поле боя, игнорируют или слабо затрагивают ключевые вопросы противостояния или заключены в основном под давлением внешних сил и международных посредников.

В-четвертых, уже сама формулировка “мирный процесс” подчеркивает, что трудно ожидать урегулирования всех базовых противоречий между сторонами конфликта в рамках одного соглашения или комплекса договоренностей. Как и любой другой процесс, мирный процесс состоит из определенных этапов, имеет свои стадии и фазы, которые не всегда четко различимы, могут накладываться друг на друга и развиваться нелинейно. Даже в ходе содержательного диалога по ключевым вопросам противостояния не по всем из них получается договориться одновременно и в рамках одного пакета (комплекса) соглашений, тем более за относительно короткий срок. Самые острые и сложные вопросы (например, о статусе того или иного территориального образования) нередко откладываются на потом, на более поздние стадии мирного процесса, в надежде на то, что условия для мирного решения улучшатся, процесс урегулирования наберет силу

и обретет более устойчивый характер, между сторонами возникнет или укрепится взаимное доверие и возобладает логика мира.

Тем не менее откладывание решения тех или иных, особенно наиболее принципиальных вопросов противостояния на потом должно иметь свои пределы, ибо оно также несет в себе немалые риски. Об этом свидетельствует длинный ряд мирных процессов в конфликтах от палестино-израильского до армяно-азербайджанского по поводу Нагорного Карабаха. Вот лишь некоторые из этих рисков.

- Условия для мирного процесса (на национальном, локально-региональном и международном уровнях) могут измениться не только в лучшую, но и в худшую сторону, закрыв однажды открывшееся “окно возможностей” для переговоров.

- Откладывание решения многих или большинства ключевых противоречий на потом, особенно надолго, пагубно влияет на динамику взаимосвязи переговорного процесса и вооруженного насилия. Каждый новый, промежуточный раунд возобновления переговорного процесса отчасти воспроизводит политическую динамику, предшествующую заключению первоначальных договоренностей. Это, например, заново создает соблазн для вооруженных игроков улучшить “в последний момент” свои переговорные позиции за счет насилия и облегчает попытки шантажа или даже подрыва переговорного процесса со стороны его противников, в том числе путем совершения демонстративных актов насилия, особенно терроризма.

- Чем на более позднем этапе мирного процесса происходит провал очередного соглашения, тем выше вероятность, что этот провал приведет к развалу всего процесса.

Смысл здесь в том, чтобы не слишком “растекаться по древу” в деле поиска взаимоприемлемых решений по ключевым вопросам противостояния. Мирный процесс должен сохранять динамику и содержательный заряд на всем своем протяжении, а мирное соглашение — носить не преимущественно символический, а именно фундаментальный характер. Хотя решение отдельных вопросов можно и отложить на потом, уже первичное соглашение должно базироваться на компромиссе не просто по какому-то отдельному вопросу, а по некоей “критической массе” основных противоречий между сторонами.

Нацеленность же одной, обеих или нескольких сторон противостояния на бесконечное оттягивание и откладывание решения ряда принципиальных противоречий между ними свидетельствует скорее об *имитации* мирного процесса. Это возвращает нас к тому, что не всякий переговорный

процесс между сторонами дотягивает до того, чтобы считаться “мирным”. На определенной стадии, в случае перманентного отсутствия прогресса в разрешении наиболее важного противоречия (противоречий), которое оспаривалось в ходе конфликта, мирный процесс может деградировать до уровня выхолащенных, рутинно-технических контактов между сторонами. В итоге они становятся не более чем фоном либо для временной, порой многолетней относительной “заморозки” конфликта в отсутствие его устойчивого решения², либо для периодических всплесков и даже масштабного возобновления вооруженного противостояния.

Итак, переговорный процесс, который не затрагивает ключевых вопросов противостояния, не может считаться полноценным мирным процессом. Если же в ходе переговорного процесса решение большинства ключевых вопросов или наиболее принципиальных из них откладывается на неопределенный срок и бесконечную серию промежуточных договоренностей, то он уже сам несет в себе рецепт своего развала или легче становится объектом манипулирования, в том числе с помощью вооруженного насилия.

Критерий 2: переговоры между кем? Второй важнейший критерий определения мирного процесса связан с составом его участников, или его инклюзивностью. Эта проблема имеет как количественное, так и качественное выражение.

В количественном отношении в условиях значительной фрагментации большинства современных конфликтов речь все реже идет об одной простой конфликтной (и переговорной) диаде, состоящей из двух хорошо организованных и идентифицируемых сторон, противостоящих друг другу, и все чаще — о противостоянии как минимум нескольких, а нередко и многих вооруженных акторов, в том числе тех, которые оспаривают одно и то же противоречие [10, сс. 34–35]. Прямое участие в одном и том же конфликте могут принимать вооруженные силы сразу нескольких и даже многих государств. Силы же вооруженной оппозиции государству со стороны негосударственных игроков могут быть настолько разнородны и раздроблены, что само начало какого-либо внятного мирного процесса порой маловероятно или бесперспективно до определенной структуризации конфликта, укрупнения таких группировок, их объединения в коалиции и т. п.

В этих условиях остро встает и вопрос о качественном составе участников переговоров из числа сторон конфликта. Это вопрос о том, участие кого из них имеет принципиальное значение для уре-

гулирования ключевых противоречий конфликта (а это, как правило, наиболее активные в *военном отношении* стороны и группировки “на земле”, обладающие определенной степенью социальной поддержки), а без кого можно обойтись без особого ущерба для мирного урегулирования.

Здесь целесообразно учесть три базовых момента.

Во-первых, речь должна идти прежде всего о непосредственных вооруженных участниках конфликтов, то есть о его главных сторонах и о прямых представителях этих сторон. Без участия представителей самих противостоящих сторон любые переговоры и дискуссии между международными/внешними акторами или внутривнутриполитическими игроками, которые не участвуют в военных действиях (хотя часто и поддерживают ту или иную сторону конфликта) или не являются прямыми полномочными политическими представителями этих сторон³, мирным процессом еще не являются. Это касается таких довольно распространенных форматов, как, например, разнообразные международные контактные группы, “группы друзей” той или иной погруженной в конфликт страны и т. п. Такие переговоры и форматы не дотягивают до мирного процесса даже тогда, когда они включают дискуссии по основным содержательным вопросам (противоречиям) вооруженного противостояния.

Эта оговорка касается и тех случаев, когда инклюзивность мирного процесса некорректно понимается в *основном* как роль в нем структур и представителей гражданского общества [17] или даже сводится к этому вопросу. Хотя преобладание такого подхода в практике и литературе по общественной дипломатии понятно [6, 18], он лишь отчасти применим даже к неформальным или полупоформальным переговорам “второго трека”, не говоря уже об официальных переговорах “первого трека”. При всей своей либеральности и гуманистическом посыле этот распространенный (а для практики ряда посредников, особенно западных и иных НПО — даже стандартный) подход на деле является подменой понятий в условиях конфликта и искажением первоочередных, реальных задач прекращения вооруженного насилия, если, конечно, таковые действительно ставятся.

Вывод здесь прост: нет представителей конфликтующих сторон — нет мирного процесса (даже если кем-то и между кем-то и ведутся какие-то переговоры).

Во-вторых, мирный процесс по своей сути должен вестись именно между основными противо-

² Именно такую форму носит большая часть (57%) всех исходов конфликтов за первые два десятилетия XXI в. (подсчитано автором по [ист. 6]).

³ Таковым, например, была партия Шин Фейн (ирл. *Sinn Féin*) для Ирландской республиканской армии.

стоящими друг другу сторонами — *протагонистами* [14, р. 2] напрямую или, особенно на ранних стадиях, через уполномоченных этими сторонами посредников. Это не допускает автоматическое включение в число участников мирного процесса любых вооруженных акторов в конфликтной зоне, с которыми когда-либо велись какие-либо переговоры. Это также не предполагает самовольный выбор одной из противоборствующих сторон (не говоря уже о международных посредниках) из “меню” спектра вооруженных игроков лишь наиболее слабых и удобных для переговоров группировок, в том числе отколовшихся от основных сил противника (как, например, это неоднократно имело место в рамках переговорных инициатив правительства Судана в ходе урегулирования конфликта в Дарфуре)⁴, или, например, лишь внешних игроков — патронов сторон при фактическом отказе вести содержательный диалог с внутренними протагонистами в ходе гражданской войны (как это имело место в процессе реализации минских договоренностей 2014–2015 гг. по Донбассу)⁵. Такой подход обычно не ведет к прогрессу в прекращении огня, а иногда и контрпродуктивен, то есть может привести к возобновлению и даже обострению вооруженного противостояния. Напротив, важно свести вместе именно основных противников по тому или иному ключевому противоречию (или хотя бы их представителей) по принципу “врагов и протагонистов по переговорам не выбирают”.

Здесь необходима оговорка по поводу того, насколько строго такие переговоры должны иметь диадный характер, то есть ограничиваться лишь одной конфликтной диадой — парой сторон, противоборствующих друг другу.

С одной стороны, в этом вопросе лучше избегать жестко ограниченного подхода, когда с каждым новым участником таких переговоров (с каждой дополнительной диадой) фиксируется новый мирный процесс. Есть смысл допустить, чтобы, например, участие в мирных переговорах относительно крупных и активных в военном отношении группировок, воюющих по поводу одного и того же противоречия (особенно в одном и том же районе страны), считалось частью одного более общего мирного процесса, даже если переговоры с ними идут по параллельным и не обязательно совпадающим по времени трекам.

⁴ Переговоры по урегулированию конфликта в Дарфуре (Судан) продолжаются с середины 2000-х годов по сей день (включая мирные соглашения 2006 г. в Абудже, 2011 г. в Дохе, серию соглашений 2019–2020 гг. в Аддис-Абебе и Джубе).

⁵ Минский процесс (лето 2014 — февраль 2022 г.) — процесс мирного урегулирования конфликта на Донбассе (юго-востоке Украины), включавший Минский протокол 5 сентября 2014 г. (Минск-1), Комплекс мер по выполнению минских соглашений 11–12 февраля 2015 г. (Минск-2), а также годами буксовавший и зашедший в тупик процесс их реализации.

С другой стороны, ограничение числа и состава участников мирных переговоров основными протагонистами, воюющими по поводу конкретного набора противоречий, необходимо для определения рамок (пределов) и длительности мирного процесса как относящегося к регулированию именно того конфликта, в котором оспариваются эти противоречия и принимают участие эти вооруженные акторы. Как только в дело на любом этапе противостояния или после его затухания вступают принципиально новые крупные вооруженные игроки, не связанные с предыдущими комбатантами и оспаривающие иной набор противоречий (даже в противостоянии тому же самому государству), речь уже идет о другом конфликте и, соответственно, в случае поиска путей к его мирному урегулированию, об ином, новом мирном процессе.

В-третьих, не менее важен вопрос о степени и пределах инклюзивности в рамках мирного процесса, особенно с учетом фрагментации и роста числа участников конфликтов первой четверти XXI в., прежде всего за счет негосударственных игроков (в Сирии, Ираке, Ливии, длинной череде конфликтов в Африке южнее Сахары и т. п.). В таких условиях все более актуальным становится разграничение между ключевыми протагонистами как основными участниками переговоров и остальными вооруженными акторами (обычно более мелкими и локальными или ультрарадикальными и в принципе непримиримыми группировками).

Конечно, отнесение тех или иных вооруженных игроков к ключевым акторам (сторонам), без участия которых переговорный процесс по мирному выходу из конфликта теряет смысл и право называться полноценным мирным процессом, во многом определяется контекстными условиями конкретного конфликта. Тем не менее набор нескольких более общих условий и характеристик, которым должны отвечать такие акторы, не является тайной за семью печатями. Среди наиболее очевидных из таких характеристик — наличие у группировки значительной поддержки среди населения конфликтной зоны (как, например, у движения ХАМАС — основной палестинской военно-политической силы в секторе Газа — или вооруженного фундаменталистского движения “Хизбалла”, играющего роль главного политического представителя крупнейшей в Ливане шиитской общины; оба движения обладают и соответствующими выборными мандатами). Однако не менее, а порой и более важный признак ключевого актора, который нельзя обойти в мирном процессе, не лишив этот процесс каких-либо серьезных перспектив, — наличие у него достаточного, прежде всего военного, потенциала для дестабилизации любого переговорного процесса, участником которого он не является. Оба указанных выше ближневосточных движения

(а также, например, афганское движение “Талибан”) в полной мере удовлетворяют и этому условию. Однако ему могут соответствовать и менее крупные и более радикальные группировки, вне зависимости от степени их социальной поддержки. Конечно, этим признакам ключевых акторов, которые должны быть привлечены к переговорам о выходе из конфликта в рамках мирного процесса, не ограничиваются – в зависимости от контекста они могут включать другие характеристики и условия.

Фрагментация вооруженного насилия и нелинейный характер многих (хотя и не всех) современных конфликтов требуют определенного расширения состава потенциальных участников мирных процессов – прежде всего за счет негосударственных игроков. Так, в условиях беспрецедентного роста, особенно с 2010-х годов, активности вооруженных негосударственных акторов, числа и интенсивности негосударственных конфликтов [10, сс. 30-33], определения мирного процесса и соглашения можно расширить, включив в них переговоры и соглашения между наиболее значимыми в военно-политическом отношении негосударственными группировками, а не только диалог о мире с участием государства в качестве хотя бы одной из сторон.

Вместе с тем остро встает вопрос о *локальных перемириях* и переговорах по ним. Попытки систематизации данных по таким соглашениям предпринимаются сравнительно недавно: в созданной в 2019 г. в рамках *РА-X* специализированной базе данных *РА-Local* за период с 1990 по апрель 2022 г. начитывалось уже 332 локальных соглашений [12, pp. 27-29, table 1; ист. 11]. Повестка, действие и состав участников таких соглашений (переговоров) географически ограничены лишь небольшой территорией, порой сводящейся к одному городу или городку, группе деревень и району под контролем той или иной общины, а содержательно – вопросами, в основном носящими гуманитарный характер, касающимися поддержания жизнедеятельности, локальными перемириями и т. п.

Решить эту проблему можно через взаимосвязь первого и второго базовых критериев определения мирного процесса, рассматриваемых в данной статье. Если локальные перемирия имеют отношение к основным (этническим, религиозным, социально-политическим) противоречиям, оспариваемым в ходе конфликта, то независимо от веса и размера их участников они могут считаться частью более широкого мирного процесса на разных его стадиях. Однако перемирия и переговоры о них, причем не только на локальном, но и на более высоком уровне, могут и не быть частью мирного процесса. Например, в тех случаях, когда их цель ограничивается лишь временным прекращением огня и иными

чисто гуманитарными или военными аспектами (в отсутствие перспектив и намерений по дальнейшему переходу к политическому урегулированию или в отрыве от политического процесса), перемирия рано рассматривать как часть мирного процесса как такового – для этого просто еще недостаточно оснований.

Наконец, иногда сам мирный процесс становится средством кристаллизации и частичной или значительной политической трансформации его основных вооруженных участников и структуризации как самого конфликта, так и усилий по его урегулированию. Это, например, происходит за счет укрупнения и слияния повстанческих структур в целях ведения переговоров и объединения в коалиции массы раздробленных группировок вооруженной оппозиции (в конфликтах от межтаджикского противостояния первой половины 1990-х годов до, в определенной степени, интернационализованной гражданской войны в Сирии 2010-х годов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мирный процесс – не самоцель, ради которой все средства хороши и которую следует обеспечить любой ценой. Первоочередное значение имеют именно содержание и характер этого процесса, его инклюзивность и то, насколько он сосредоточен на решении ключевых, центральных вопросов и противоречий, которые оспариваются вооруженным путем. В данной статье постулируется и доказывается, во-первых, приоритетность качественных характеристик мирного процесса и качественного анализа для его адекватного определения, а во-вторых, примат мирных процессов по отношению к конкретным мирным договоренностям, соглашениям о перемирии и т. п.

Мирный процесс – не подчиненная категория и не техническая производная от понятия “мирное соглашение”, как он позиционируется в большинстве существующих определений и баз данных. Мирный процесс – это усилия по прекращению вооруженного конфликта путем диалога (переговоров) между представителями основных конфликтующих сторон по ключевым вопросам, по поводу которых ведется вооруженное противостояние. Далеко не все переговорные процессы, связанные с вооруженными конфликтами и походя обозначаемые или широко известные как “мирные”, соответствуют даже этим двум базовым критериям, то есть (а) сосредоточены на содержательных переговорах по наиболее критическим оспариваемым противоречиям и (б) достаточно инклюзивны, чтобы включать всех вооруженных акторов, без участия которых разрешение этих противоречий мирным путем маловероятно или бессмысленно.

О других возможных критериях определения “мирного процесса” – например, о наличии устойчивой приверженности сторон дальнейшему разрешению противоречий между ними путем переговоров – и вовсе не приходится говорить в силу того, что они применимы лишь к немногим таким процессам.

Если переговорный процесс, вне зависимости от того, как он называется его участниками или

кем-либо еще, игнорирует базовые, критические противоречия между сторонами конфликта, упускает большинство из них, бесконечно долго откладывает их решение на потом, исключает или третирует одного или несколько вооруженных акторов – ключевых сторон конфликта, то такой процесс либо в принципе не подпадает под категорию “мирного”, либо, в лучшем случае, несет в себе зерна своего собственного разрушения и провала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Said E.W. *Peace and Its Discontents: Essays on Palestine in the Middle East Peace Process*. New York, Vintage Books, 1996. 188 p.
2. Cordell K., O’Leary B., Wolff S., eds. *The Israeli-Palestinian Conflict: The Politics of Stalemate*. (The Association for the Study of Nationalities). Abingdon, Routledge, 2019. 142 p.
3. Asseburg M. The One-State Reality in Israel/Palestine: A Challenge for Europe and Other Parties Interested in Constructive Conflict Transformation. *Pathways to Peace and Security*, 2021, no. 2 (61), pp. 96-109. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-96-109
4. Witbeck J. Peace, process or worse. *Al-Ahram Weekly*, 1999, no. 461, pp. 23-29.
5. Zartman I.W., ed. *Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars*. Washington, DC, Brookings Institution, 1995. 353 p.
6. Saunders H.H. *Sustained Dialogue in Conflicts: Transformation and Change*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 312 p.
7. Brewer J.D. Peace Processes. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Wright J.D., ed. 2nd ed. Oxford, Elsevier, 2015, pp. 648-653. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.96043-4
8. Petersson T., Hogbladh S., Oberg M. Organized Violence, 1989–2018, and Peace Agreements. *Journal of Peace Research*, 2019, vol. 56, no. 4, pp. 589-603. DOI: 10.1177/0022343319856046
9. Högladh S. Peace Agreements in Armed Conflicts: Focusing on Finding a Solution to the Conflict Incompatibility. *Pathways to Peace and Security*, 2021, no. 2 (61), pp. 11-23. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-11-23
10. Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века: типология и направления трансформации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 6, сс. 24-39.
Stepanova E.A. Armed conflicts in the early 21st century: Typology and directions of transformation. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 24-39. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39>
11. Sticher V., Vukovic S. Bargaining in Intrastate Conflicts: The Shifting Role of Ceasefires. *Journal of Peace Research*, 2021, vol. 58, no. 6, pp. 1284-1299. DOI: 10.1177/0022343320982658
12. Badanjak S. The PA-X Peace Agreement Database: Reflections on Documenting the Practice of Peacemaking. *Pathways to Peace and Security*, 2021, no. 2 (61), pp. 24-42. DOI: 10.20542/2307-1494-2021-2-24-42
13. Kapshuk Y. Conceptual Ambiguity in Coding the Categories of Peace Agreement and Peace Process. *Peace Economics, Peace Science, and Public Policy*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 3-27. DOI: 10.1515/peps-2020-0003
14. Bell C., Badanjak S., Beujouan J., Epple T., Forster R. et al. *PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 4. 1990-June 2021*. Edinburgh, Political Settlements Research Programme, University of Edinburgh, 2021. 71 p. Available at: https://www.peaceagreements.org/files/PA-X_codebook_Version5.pdf (accessed 10.03.2022).
15. Darby J., MacGinty R. *Contemporary Peacemaking: Conflict, Violence and Peace Processes*. Houndsmills, Palgrave Macmillan, 2003. 296 p.
16. Harbom L., Högladh S., Wallensteen P. Armed Conflict and Peace Agreements. *Journal of Peace Research*, 2006, vol. 43, no. 5, pp. 617-631. DOI: 10.1177/0022343306067613
17. Ghais S. Inclusivity in Peace Processes: Civil Society and Armed Groups. *Contemporary Peacemaking: Peace Processes, Peacebuilding and Conflict*. Mac Ginty R., Wanis-St.John A., eds. Cham, Palgrave Macmillan, 2022, pp. 235-259.
18. Chufrin G., Saunders H. A Public Peace Process. *Negotiation Journal*, 1993, vol. 9, no. 2, pp. 155-177. DOI: 10.1111/j.1571-9979.1993.tb00698.x

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Principles of Peacekeeping. *United Nations Peacekeeping*. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/principles-of-peacekeeping> (accessed 30.04.2022).
2. Terminology. *United Nations Peacekeeping*. Available at: <https://peacekeeping.un.org/en/terminology> (accessed 30.04.2022).

3. *The Decline in Global Violence: Evidence, Explanation and Contestation*. Human Security Research Group Report. Simon Fraser University. Vancouver, Human Security Press, 2013. 118 p. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/human-security-report-2013-decline-global-violence-evidence-explanation-and> (accessed 01.05.2022).
4. *UCDP Peace Agreement Dataset*, Version 22.1. 1975–2021. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/peace/ucdp-peace-agreements-221.xlsx> (accessed 18.07.2022).
5. *Human Security Report 2012*. Human Security Research Group Report. Vancouver, Human Security Press, 2012. 230 p. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/human-security-report-2012-sexual-violence-education-and-war-beyond-mainstream> (accessed 01.05.2022).
6. *UCDP Conflict Termination Dataset Version 3–2021*. 1946–2020. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#termination> (accessed 30.04.2022).
7. *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset, Version 21.1*. 1946–2020. Uppsala Conflict Data Program. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden); Peace Research Institute Oslo (PRIO) (Norway). Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/index.html#armedconflict> (accessed 10.03.2022).
8. *PA-X Peace Agreements Database and Dataset, Version 6*. 1990–April 2022. Political Settlements Research Programme (PSRP), The University of Edinburgh. Available at: <https://www.peaceagreements.org> (accessed 18.07.2022).
9. *Peace Accords Matrix (PAM)*. Kroc Institute for International Peace Studies, University of Notre Dame. Available at: <https://peaceaccords.nd.edu> (accessed 10.03.2022).
10. *Definitions*. Department of Peace and Conflict Research. Uppsala University (Sweden). Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions> (accessed 10.03.2022).
11. *PA-Local: Peace Agreement Dataset (Local Agreements)*. Political Settlements Research Programme, The University of Edinburgh. Available at: <https://www.peaceagreements.org/lsearch> (accessed 18.07.2022).